

КОНФЕРЕНЦИЯ: «МИР 2002: ВЫЗОВЫ И НАДЕЖДЫ».
Июнь 2002г., Юрмала, Латвия.

Пушков Алексей (Россия) – автор и руководитель программы «Постскриптум», телекомпания ТВ-Центр

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. ВЕКТОРЫ ПОЛИТИКИ МОСКВЫ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Действительно «Векторы российской внешней политики», тем более «стратегия и тактика» – тема на самом деле огромная. Я хотел бы сосредоточиться на одном векторе, который сейчас вызывает наибольший интерес. Это вектор отношений между Россией и Западом. В данном случае Запад, я думаю, лучше определить, как Евроатлантическое сообщество, поскольку я не думаю, что туда следует включать, например, Японию, ибо она находится за пределами таких институтов, как НАТО и Европейский Союз.

Мне кажется, создалась некоторая виртуальная реальность, очень приятная, благостная и очень многообещающая: новый дух отношений между Россией и США, Россией и НАТО, Россией и ЕС, готовность идти друг другу навстречу, сотрудничать по широкому кругу вопросов. Но есть вместе с тем и подлинная реальность. Я бы сказал так: новый дух отношений несколько опередил подлинную реальность, что необязательно плохо, если подлинная реальность будет потом выстраиваться в соответствии с новым духом. Хуже будет, если дух будет прикрывать отсутствие подлинной реальности.

Я предлагаю взглянуть на эту проблему со стороны подлинной реальности. Сейчас происходит третья попытка интеграции России в Евроатлантическое сообщество.

Первая попытка была предпринята в начале 90-х годов, когда в России сменился политический режим. Президент Ельцин и его министр иностранных дел Андрей Козырев выдвинули тогда идею стратегического союза с Америкой. Эта идея была воспринята в США достаточно позитивно, потому что она опять же отражала некоторые виртуальные пожелания, но не реальные возможности создания такого стратегического союза. Идея погибла достаточно быстро, потому что она была совершенно не продумана, ни на что не опиралась. Россия была уже тогда не соотносима с Соединенными Штатами по своей силе и политическому влиянию, она была очень ослаблена внутренними кризисными явлениями и крайне низким качеством политического руководства. Поэтому в Соединенных Штатах прекрасно понимали, что ни о каком стратегическом союзе речи идти не может, но снисходительно давали российскому руководству рассуждать вокруг этой в то время абсолютно бессмысленной идеи. Она, естественно, погибла где-то в середине 90-х годов, и кризис в Боснии это показал очень отчетливо: ни о каком стратегическом союзе речь не шла.

Вторая попытка была предпринята в 1997 г., когда окончательно вызрела идея проведения первой волны расширения НАТО. Тогда, как вы помните, был подписан Основополагающий акт, который должен был создать новый тип отношений между Россией и НАТО. Создавался Совместный консультативный совет, в рамках которого стороны должны были консультироваться, согласовывать свои позиции и, как было записано: «Когда возможно, принимать совместные решения». Акт прожил ровно два года. Через два года стало ясно, что никаких совместных решений нет и быть не может в силу разных подходов обеих сторон к ключевой на тот момент проблеме – европейской и евроатлантической политики в Югославии. С началом бомбежек Югославии Основополагающий акт фактически был объявлен ничтожным (даже если об этом никто не сказал) и Консультативный совет Россия–НАТО доказал свою полную беспомощность и неэффективность.

Сейчас, как я уже говорил, предпринимается третья попытка интеграции России в Евроатлантическое сообщество на базе новых договоренностей. Надо отметить, что сегодня основ для успеха больше, чем прежде. В частности, на мой взгляд, психологически проделан достаточно большой путь навстречу друг другу и со стороны Запада, и со стороны России. Но если внимательно присмотреться, то со стороны России, особенно президента Путина, проделан гораздо более серьезный путь

навстречу Западу, чем наоборот, несмотря на все те замечательные слова, которые говорились на недавних саммитах.

Посмотрите, например, соглашение, которое было подписано в Рейкьявике 15 мая 2002 г. В нем содержатся все возможные оговорки и предосторожности, направленные на то, чтобы максимально ограничить роль России. В случае, если одна из стран – членов НАТО посчитает, что обсуждение того или иного вопроса с Россией не отвечает ее национальным интересам, вопрос снимается с обсуждения автоматически. Если же возникают разногласия по какому-то вопросу, он также снимается с обсуждения. «Двадцатка» действует только в рамках тотального консенсуса. Что означает тотальный консенсус в условиях, когда 19 государств входят в данную организацию и являются ее полноправными членами, а одно государство, как бы мы сегодня не говорили о новом духе отношений, и юридически, и политически, и в реальности находится за пределами этого альянса? Это означает, что в механизм принятия решений «двадцатки» заложено то, чего не было в Консультативном совете России и НАТО, а именно заложена идея, что только в случае практически полного согласия России с принимаемыми решениями «двадцатка» может функционировать. Как только Россия с чем-то позволяет себе не соглашаться, то «двадцатки» уже как бы и нет, и НАТО принимает решение единогласно. Я понимаю мотивы, по которым американская администрация пошла на это. В Соединенных Штатах достаточно сильны влиятельные группы, считающие, что России не нужно давать права голоса. Речь идет не о праве вето: вообще никакого права голоса в рамках НАТО.

Первые предложения, которые выдвигались после 11 сентября 2001 г., как раз предполагали, что у России будет право решающего голоса по отдельным вопросам, например, по миротворческим операциям НАТО за пределами зоны действия блока. Но, как вы помните, в конце ноября – начале декабря 2001 г. американская администрация приняла решение, что и этого права России предоставлять нельзя. В итоге была принята новая формула «двадцатки», которая, повторяю, может действовать только в том случае, если Россия будет приходить на обсуждение вопросов, будучи заранее согласной с позицией ведущих держав НАТО. Это, безусловно, вызывает некоторые сомнения относительно перспектив функционирования «двадцатки» и есть опасность, что она будет просто вторым изданием совместного Консультативного совета России–НАТО. То есть красивой оболочкой, которая при возникновении первой же серьезной политической проблемы себя не оправдывает. В таком случае виртуальная реальность останется виртуальной, а подлинная реальность будет развиваться совершенно по другим законам.

Сейчас Владимир Путин, мне кажется, сделал очень много шагов навстречу Западу, он как бы работает авансом. Есть такая стратегия или тактика, не знаю, как будет точнее назвать, – делать шаги навстречу до такого предела, когда партнер как бы вынужден тебя принять, причем принять с большими правами, чем у тебя были раньше. Проблема в том, что на пути этой так называемой авансовой тактики возникают вопросы, от которых Путин тоже не может уйти, что и продемонстрировал достаточно убедительно саммит в Москве.

Вы, вероятно, обратили внимание, что по Ирану российский и американский президенты не пришли к согласию. Думаю, что можно назвать еще как минимум пять–шесть крупных международных вопросов, по которым Путину будет крайне трудно согласиться с Бушем, и не потому, что кто-то из них этого не хочет, просто объективно их интересы расходятся. Понятно, что у России отношения с Китаем более сложные, чем у США, в силу наличия совместной границы протяженностью 4500 км. То же самое можно сказать и про Иран. Здесь у нас проблемы и Средней Азии, и Закавказья, и будущего статуса Каспия, т.е. мы не можем играть с Ираном в те же игры, в которые играют Соединенные Штаты. Это на самом деле не зависит от президента Путина, это зависит от объективной реальности, той самой подлинной реальности, с которой нам нужно соотносить реальность виртуальную.

Как будут согласовываться эти интересы? По-моему это ключевой вопрос и для «двадцатки», и для отношений между РФ и Евроатлантическим сообществом. Если эти интересы будут согласовываться виртуально, то третья попытка интеграции России в Евроатлантическое сообщество выльется в попытку ее контролировать. То есть, делая вид, что Россия принята в некоторую общность, на самом деле попытаться навязать ей ту сумму интересов, которая ее пониманию не соответствует. Попытка контролировать и попытка интегрировать Россию – это принципиально разные вещи. Представляется,

что попытка интегрировать РФ будет при возможных оговорках и некотором скептицизме в целом воспринята в стране позитивно. Тактические действия Путина превратятся в стратегию и будут поддержаны на общенациональном уровне. Эта задача, кстати, столь же важная для Запада, сколь и для России, не решив ее, Западу не удастся надежно обеспечить свои интересы в Евразии. Поэтому, я думаю, что сейчас очень важно перевести виртуальную реальность в плоскость подлинной реальности, так как если между ними сохранится разрыв, то мы будем вынуждены констатировать безуспешность третьей исторической попытки базового магистрального сближения Запада и России.